

Подгорская Анна Вячеславовна

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА РОЖДЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

В статье предпринята попытка вычленения в контексте современной русской поэтической культуры особой рождественской линии. Продуктивность подобного подхода состоит в том, что он позволяет охарактеризовать тенденции развития художественных трактовок Рождества Христова, несущих на себе печать тех влияний, которые испытывает русская поэзия в целом, и одновременно способствует созданию целостной истории русской поэзии, уточняя и обогащая наше представление о современном литературном процессе.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/11-2/37.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 11(53): в 3-х ч. Ч. II. С. 142-145. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82-1-05

Филологические науки

В статье предпринята попытка вычленения в контексте современной русской поэтической культуры особой рождественской линии. Продуктивность подобного подхода состоит в том, что он позволяет охарактеризовать тенденции развития художественных трактовок Рождества Христова, несущих на себе печать тех влияний, которые испытывает русская поэзия в целом, и одновременно способствует созданию целостной истории русской поэзии, уточняя и обогащая наше представление о современном литературном процессе.

Ключевые слова и фразы: современная русская поэзия; рождественская поэтическая традиция; литургия; духовные стихи; Рождество Христово.

Подгорская Анна Вячеславовна, к. филол. н.

*Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова
podgorsky_s@mail.ru*

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА РОЖДЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ[©]

Истоки русской рождественской поэтической традиции мы обнаруживаем, с одной стороны, в литургическом символизме, опирающемся на канон; с другой – в лиризме духовного стиха, выдвигающем на первый план личное восприятие событий Рождества Христова. Современные «рождественские» стихи соответствуют этим направлениям лишь отчасти; более того, находятся с ними в некоем контрасте; да и рождественскими (читай религиозными) они могут быть названы весьма условно. Это, скорее, некое свободное поле культуры с многочисленными аллюзиями современного светского человека на Священный текст, вольными и не всегда очевидными.

Найти среди этих текстов «свое хорошее» рождественское стихотворение очень непросто. Замечательный критерий отличия хороших стихов от плохих предлагает А. Кушнер: «Чем отличаются хорошие стихи от плохих?.. Научных критериев нет. Ни оригинальная мысль, ни “образность”, ни “искренность” тоже сами по себе ничего не значат. Остается один критерий, “домашний”, приспособленный для “частного пользования”: стихи, доставляющие нам радость, – хорошие. Все остальные – плохие» [4, с. 145]. Категория счастья для А. Кушнера – вообще особая категория: способность к счастью – своеобразный индикатор человеческой состоятельности; и неудивительно, что в рождественском стихотворении самого Кушнера «Поклонение волхвов» (в котором рождественская тема вписана в современную Москву, на Волхонку) есть и радость, и тепло, и Свет: «В одной из улочек Москвы, / Засыпанной метелью, / Мы наклонялись, как волхвы, / Над детской колыбелью. // И что-то, словно ореол, / Поблескивало тускло, Покуда ставились на стол / Бутылки и закуска» [5, с. 46]. Стихотворение написано автором в 1966 году. А что же век XXI?

Анализируя состояние новейшей русской поэзии «в ситуации после пост-модерна», И. О. Шайтанов делает категоричный вывод (который нам представляется вполне убедительным) о том, что «среди тех, кто пишет и публикует стихи, в возрасте моложе пятидесяти имен нет, есть колебания стиля». Объясняет он это состояние поэзии во многом реализацией наиболее важной в XX веке идеи о том, что язык есть единственная цель поэзии: «Экспансия языка в гуманитарной науке вообще и в поэзии в частности привела к многочисленным потерям: <...> автора, который умер; предмета, который обесмыслен; формы, которая растворена в универсальности текста (или дискурса)» [8, с. 12].

Не задаваясь целью обозначать все причины столь плачевного состояния современной словесности, все же особо отметим ещё одну отчетливо различимую в пределах русского литературного процесса тенденцию. В современной русской поэзии нет борьбы направлений, нет борьбы жанров, а есть только ожесточенная борьба соперничающих культурных контекстов: с одной стороны, пост-постмодернистского, с другой – традиционалистского. Причем поражение второго осознается даже его представителями. Так, у А. Кушнера в стихотворении «Стихи архаика. И скоро их не будет...» читаем: «Прощай, речь мерная! тебе на смену проза / Пришла, и Музы-то у опоздавшей нет, / И жар лирический трактуется как поза / На фоне пристальных журналов и газет» [5, с. 296]. Победивший «прогрессивный» культурный контекст, действительно, тесно связан со средствами массовой информации, т.к. он во многом является рукотворным, искусственно насаждаемым продуктом этих самых СМИ, а в частности, арт-индустрии. Продвигается этот продукт с помощью современных лоббирующих технологий: это и распространение «положительного контента» в Интернете, и организация серии статей, литературных премий и т.д. и т.п. Причем отказ воспринимать пост-постмодернистскую поэзию, в которой зачастую вообще отсутствует конкретная осмысленная содержательность, трактуется как неподготовленность читателя. Так, в интервью редактора журнала «Новое литературное обозрение» К. Корчагина [10] читаем: «Неподготовленный читатель часто сетует на то, что современная поэзия не пробуждает в нем тех эмоций, к которым он привык или которых он хочет достичь. Но, как правило, это означает только одно: этот человек не знает, как читать поэзию». Однако не стоит демонизировать современные PR-технологии, и если явление новейшей русской поэзии существует, то необходимо попробовать разобраться в его специфике, хотя бы в рамках обозначенной рождественской традиции.

Прежде всего, следует отметить, что к началу 2000-х годов в русской поэзии вследствие ситуации постмодернистской «смены всех» произошел синтез различных традиций с выработкой новых способов авторского

высказывания, и в итоге к сегодняшнему дню утвердилась во всех отношениях полная свобода организации поэтического пространства.

Свобода в отношении вычленяемой в тексте структуры действительности проявилась, прежде всего, в её метафизической составляющей. Ярким примером подобного способа авторского высказывания является творчество О. Седаковой, в котором современный метафорический язык соединяется с бытийно-философскими упражнениями, с поисками личных точек отсчета. В стихотворении О. Седаковой «Путешествие волхвов» с вполне традиционным названием для рождественской лирики евангельский сюжет не прописан никак. От канона остается только образ путеводной звезды: «до звезды в широчайшей небесной реке», «что звезда нас несет и несет, как вода...». Волхвы обозначены лишь в названии стихотворения, а в тексте их путешествие переосмыслено как путь человечества в целом, причем как «путь без конца», когда «щель убывает в пути», и потому «их измучил в лицо им глядящий конец». Есть в тексте ещё ряд аллюзий, видимо, на Священное Писание: «некая книга во мраке цветном», «зренье <...> пробегает над древним письмом, / как по праздничным свечкам на древе густом», есть и местоимение, написанное с большой буквы: «Я не лучший из многого в бездне Твоей!» [12], но вряд ли это христианский Бог, скорее, это некое лицо Вечности. В целом мы наблюдаем то, что М. Эпштейн [9] описывает как явление «метареализма»: не отрицание реализма, а усложнение самого понятия реальности, описание некоего скрытого смысла, находящегося за пределами текста: «вещество открывало им весь произвол: / ясно зрящие камни с бессмертным зрачком / освещали подземного дерева ствол – / чтобы каждый прочел / о желанье своем» [12]. Трудно понять, что скрывается за напыщенным метафизическим лексиконом О. Седаковой, но автор явно рассчитывает на читателя-интерпретатора. Читательская деятельность сознательно включена им в механизм становления стихотворения. В итоге произведение воспринимается как дискурс, содержанием которого по Бахтину выступают «отношения между людьми, лишь отраженные и закреплённые в словесном материале» [1, с. 12]. Таким образом, мы можем констатировать, что для О. Седаковой рождественский сюжет является лишь поводом для размышления о тернистом пути человеческого разума, пути, умножающем знание, который может привести к обретению Бога, а может и не привести.

Ситуация запутанности метафизических представлений, характерная для современной поэзии, ведет к вольному обращению со священной письменностью, к использованию фантастической реальности и метафизическим поискам даже в рамках канонического христианского сюжета. Так, в стихотворении А. Цветкова «Умиление зверей» происходит сознательное вторжение в мир традиции в качестве непрошенных участников: в Святую ночь поклониться Младенцу Христу приходят, кроме пастухов и волхвов, фантастические существа: «всюду из щелей / ползли земли неправильные дети / блестя хитомом те кто посмелей / теснясь к стене кто крысы или эти / тушканы например... / умильно шелестя мы тоже божьи» [7, с. 26]. Однако эти «неправильные дети» оказываются недостойны любви, и потому волхвы становятся хладнокровными убийцами, а Младенец, «невредим и окружен семьей / молчит...». Все в этом стихотворении примерено автором на сегодняшний день, на себя самого: «и я который был один из них / обоих и неправильных и верных... / головогрудью влажно созерцал / из сорванных фасеточных ячеек / свой состоящий из щелей и дыр / единственный как боль и нелюбимый мир» [Там же]. Текст строится на многоуровневом соотношении и уплотнении реальностей: архетипических образов рождественского канона, фантазмагорической реальности и современности. Так, «мельхиор нейзильбер и вольфрам / цари премудрой твердости и блеска» [Там же] – это одновременно и волхвы, и фантастические существа. Имена евангельские волхвов: Балтасар, Гаспар и Мельхиор. У Цветкова имена волхвов не случайно написаны с маленькой буквы, т.к. вольфрам – это самый тугоплавкий металл, нейзильбер – сплав меди, никеля и цинка, а мельхиор – сплав меди и никеля. Пастухи (обязательные участники истории Рождества) в стихотворении обозначены словами, строго закреплёнными за советской историей: «ударники животноводства», «механизаторы, животноводы», и даже рождественская звезда названа вполне по-современному «сверхзвездой». Базируется эта многоуровневая система стихотворения на представлении о несовершенном устройстве мира и ориентирует на сострадание униженным и обездоленным, т.е. пафос стихотворения в целом вполне традиционный, впрочем, как и синтаксис. И только сознательный отказ от пунктуации вызывает недоумение. Видимо, это тоже должно работать на уплотнение речевого потока. В целом можно сказать, что А. Цветков в этом стихотворении остается верен присущему ему виду сочетания традиционализма и метареализма, прямой оценки современной реальности и расширения выразительности за счет работы с метафорами с целью постичь устройство реальности истинной. Только к рождественскому сюжету все это имеет лишь формальное отношение. Он нужен автору только для придания происходящему соответствующего вселенского масштаба.

Принципиально иной подход мы видим в «Рождественских стихах» Олеси Николаевой. Христианская просвещенность, сознательное и деятельностное отстаивание христианских ценностей в обществе – все это обуславливает строгое следование каноническому сюжету: пустыня, звезда, пастухи, волхвы, Ирод, Младенец. Все герои евангельской истории перед нами, а в самом стихотворении щедро разлита внутренняя, глубоко прочувствованная через личный опыт благодать православной веры. И это вполне литургическая интонация умиленности, чувствительности, благочестивого рвения восславить событие рождения Христа: «...И небо уже зажгло для Него звезду, / ...и волхвы потекли в путь, и праведники вострепетали в аду... / Словно бы им привиделся сияющий вертоград. / И они Царю его сказали: благослови, / пав пред Ним... / Блаженнейший виноград / Он давал вкушать умирающим от любви...» [6, с. 206]. Но, в отличие от литургической поэзии, где анонимность творчества принципиальна, а гимнограф – лишь искусный переводчик вездомного духовного знания, в стихотворении О. Николаевой рождественский сюжет становится еще и способом самопроявления лирической героини и личности самой поэтессы: «И каждый стал думать, что ему принести / Младенцу, Мужу скорбей... / Золото, ладан, смирну – волхвы сказали, / <...> А пастухи – свое ликование, / а Ирод сказал: смерть, / а сердце мое: меня, / принеси меня» [Там же]. Для О. Николаевой поэзия – это служение,

духовный подвиг. В речи при вручении ей Российской национальной премии «Поэт» она прямо об этом говорит: «Не нам, Господи, не нам, но Имени Твоему даждь хвалу!».

Внутри воцерковленного опыта творит и священник отец Сергей Круглов. Его рождественское стихотворение «Вертеп, лубочная картинка» показалось нам интересным ещё и в связи с тем, что в нем отчетлива переключка с «главными» рождественскими стихами в русской поэзии XX века: «Рождественская звезда» Б. Пастернака и «Рождественская звезда» И. Бродского. О том, что И. Бродский – одна из самых значительных точек отсчета в его биографии, С. Круглов пишет в стихотворении «Год 1996»: «В тот год, когда ты умер, я крестился», и ещё: «Как я дерзил тебе в своей Сибири! / “Иосифу Прекрасному” – как только / Я начинал писать, чернила в ручке / Кончались» [11]. Учитывая процитированные выше строки, сопоставление кажется нам вполне допустимым.

Стихотворение С. Круглова называется «Вертеп, лубочная картинка». И перед нами, действительно, рождественская мистерия в стилистике русского лубка. Формально канонический сюжет: Младенец, мать, Иосиф, волхвы, царь Ирод, солдаты. Все предельно доходчиво и очень ярко, как и должно быть на лубочной картинке. Много цвета: «Ультрамариновый, серебряный, ржаной / Мы видим Вифлеем...», «искристо-снежный лепной городок», «теплый свет», «златой пещеры полог», «рога с кипящей кровью лозной» и др., много звуков, эмоций: «с подвизгом хохоча», «звонкие мальчишки», «многоголосо затянули: “Алило!”», / и вторит им заснеженное небо» [3, с. 65]. И вроде бы это Вифлеем, но только рисует автор вполне русский пейзаж: «...сугробов кучу / здесь намело, и ражий взвод солдат, / С подвизгом хохоча, идет на приступ / искристо-снежного лепного городка... / <...> бедняга весь без сил: / Хватает ртом морозный пряный воздух...» [Там же]. Конечно, это про традиционную русскую забаву и русскую зиму. И как тут не вспомнить картину В. И. Сурикова «Взятие снежного городка». Так в чем же переключка?

Если говорить о Б. Пастернаке, то стихотворение Ю. Живаго «Рождественская звезда» стало воплощением мыслей о статье про А. Блока. Вместо статьи он хочет «просто написать русское поклонение волхвов, как у голландцев, с морозом, волками и темным еловым лесом». И. Бродский в беседе с П. Вайлем говорит, что все у него началось с картинки: «Первые рождественские стихи я написал, по-моему, в Комарове... И там из польского журнальчика <...> вырезал себе картинку. Это было “Поклонение волхвов”... Я приклеил ее над печкой и смотрел довольно часто по вечерам <...> смотрел-смотрел и решил написать стихотворение с этим самым сюжетом. То есть началось все даже не с религиозных чувств, не с Пастернака или Элиота, а именно с картинки» [2, с. 560]. И С. Круглов тоже пишет «картинку», но не «как у голландцев», не католическое Рождество как у И. Бродского (а даты рождественских стихов И. Бродского – это строго 25 декабря), а именно русское православное Рождество, потому и дату ставит с числом и месяцем: 6.01.2010. И русский лубок тут подходит как нельзя лучше.

В названии стихотворения С. Круглова есть еще одно слово: вертеп. Вертеп – это не только пещера или сама христианская мистерия, но еще и народный театр, для которого, как и для фольклорных духовных стихов, характерно обостренно личностное сердечное переживание как евангельских, так и апокрифических историй. И если И. Бродский в своем стихотворении сознательно нейтрализует все лирические элементы (следуя в этом гимнографической традиции), то С. Круглов рассказывает о героях божественной мистерии как об обычных людях, тепло и просто: «...старенький Иосиф, / Осла седлая, убеждает Мать: / “Э, только до проулка вон того / Я провожу гостей – и вмиг вернусь!”; / И пальцами корявыми козу / Младенцу нежно делает» [3, с. 65]. И это отнюдь не кощунство, но и не детская непосредственность народных песен, как обозначено в названии книги. Текст С. Круглова куда более изощрен. Он построен по законам современной экранизации: это своеобразный пересказ, повтор, но вечные истории и требуют вечного повторения. Миф С. Круглов пересоздает заново, подстраивая его к собственному мироощущению, которое для него, как нам кажется, немислимо без иронии даже на богословском поле религиозного текста. Так, волхвы в стихотворении С. Круглова – это «Три седеньких взбодрившихся волхва, / <...> В руках – рога с кипящей кровью лозной, / <...> Многоголосо затянули: “Алило!”» [Там же]. И многоголосие здесь появляется не просто так. Дело в том, что волхвами, пришедшими из далеких стран поклониться Младенцу Христу, автор делает трех знаменитых грузинских гимнографов: «Гаспар Мтбевари, Балтазар Эвтимэ и Мельхиор Минчхи – папахи набок» [Там же]. В реальности – это грузинские гимнографы X века: Иоанэ Мтбевари, Эвтимэ и Иоанэ Минчхи. Отсюда и многоголосие, и рога с вином, и папахи.

В целом же настроение стихотворения священника отца Сергея Круглова полностью соответствует сути церковного праздника Рождества Христова, смысл которого в том, что это – день радости и торжества всех христиан от сознания того, что родился Спаситель. И даже «злодей» Ирод у С. Круглова совсем не страшный: «...в бесконечном ожиданьи / Сгрызая все ногти, молвил наконец: / “да что ж это за место – Вифлеем! / Кого ни шли – все напрочь пропадают!.. / Ах ироды, – в браду ругнулся Ирод, – / Ужо я вас!.. смеяться над царем!..» [Там же, с. 66]. И опять абсолютно русский образ (и лексика, и психотип), похожий и на царя из сказки П. Ершова «Конек-горбунок», и на царя из «Сказа о Федоте-стрельце...» Л. Филатова. Угадать ассоциативные ряды, систему цитирования поэта С. Круглова не так просто. Можно только констатировать, что автор выбирает из пространства культуры, пронизанного множеством связей, те нити, которые ему ближе, по-новому их сплетает и создает своё. И такое творчество – вызов концептуализму, констатирующему исчерпанность всего. Культура не может быть исчерпана, потому что она всегда преемственность, диалог, эхо.

Подводя итоги нашего небольшого исследования, нужно сказать, что, безусловно, корпус современных стихов, так или иначе связанных с темой Рождества Христова, значительно шире представленных в статье. Но все же отобранные для анализа стихи, представляющие разные подходы к трактовке образа Рождества, во-первых, убеждают в том, что русская рождественская поэтическая традиция жива (и всё в ней по-новому, всё предстаёт свежей задачей для ума и души), а во-вторых, вселяют надежду на возрождение автора, позволяющего себе лирическое высказывание, до последнего времени – почти запретное, а значит, и на новые «хорошие» стихи.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 447 с.
2. Бродский И. Рождество: точка отсчета. Интервью П. Вайлю. Независимая газета, 21 декабря 1991 г. // Бродский И. Большая книга интервью. М.: Захаров, 2000. С. 557-566.
3. Круглов С. Народные песни. М.: Русский Гулливер; Центр современной литературы, 2010. 116 с.
4. Кушнер А. С. Новые заметки на полях // Знамя. 2007. № 10. С. 132-164.
5. Кушнер А. С. Пятая стихия: стихи и проза. М.: Эксмо-Пресс, 2000. 384 с.
6. Рождественские стихи русских поэтов / сост. Т. В. Стрыгина. М.: Никея, 2015. 228 с.
7. Цветков А. Сказка на ночь: стихи. М.: Новое издательство, 2010. 196 с.
8. Шайтанов И. И все-таки – двадцать первый... // Вопросы литературы. 2011. № 4. С. 9-43.
9. Эпштейн М. Парадоксы новизны. О литературном развитии XIX-XX веков. М.: Советский писатель, 1988. 414 с.
10. <http://theoryandpractice.ru/posts/8736-modern-poetry> (дата обращения: 09.08.2015).
11. <http://www.vavilon.ru/texts/kruglov2.html> (дата обращения: 09.08.2015).
12. <http://www.vavilon.ru/texts/sedakova1-03.html#28> (дата обращения: 09.08.2015).

REPRESENTATION OF AN IMAGE OF CHRISTMAS IN THE MODERN RUSSIAN POETRY

Podgorskaya Anna Vyacheslavovna, Ph. D. in Philology
G. I. Nosov Magnitogorsk State Technical University
podgorsky_s@mail.ru

The article tries to identify a special Christmas line in the context of the modern Russian poetical culture. The productivity of such an approach consists in the fact that it allows characterizing the development tendencies of the artistic interpretations of Christmas bearing the traces of influences experienced by the Russian poetry in general, and simultaneously promotes the formation of the integrated history of Russian poetry, clarifying and enriching our conception of the modern literary process.

Key words and phrases: modern Russian poetry; Christmas poetical tradition; liturgy; spiritual poetry; Christmas.

УДК 81'255

Филологические науки

В статье рассматриваются вопросы переводческой деятельности в аспекте взаимодействия текстовых явлений с концептуальными языковыми структурами на материале современной российской прозы. Обосновывается применение лингвокогнитивного подхода к процессу перевода, обсуждаются некоторые модели сохранения культуроспецифичности текста, анализируется деятельность переводчика как языковой личности, исследуются структурно-семантические трансформации, которые претерпевает национальная картина мира оригинального текста в процессе перевода.

Ключевые слова и фразы: перевод; национальная картина мира; ментальность; лингвокогнитология; современная российская проза; лингвостилистика; межкультурный подход.

Приказчикова Елена Владимировна, к. филол. н. доцент

Савченко Елена Павловна, к. филол. н.

Московский государственный областной университет

help8875@gmail.com; ep.savchenko@mgou.ru

ОСОБЕННОСТИ ВОССОЗДАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА
ПРИ ПЕРЕВОДЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПРОЗЫ
НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК (ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ)[©]

В настоящее время необычайно важным становится формирование системного представления об онтологии и эвристике межъязыкового и межкультурного взаимодействия, заключенного в понятии «переводческая деятельность». Именно перевод является посредником в процессе постижения и последующем понимании различных национальных культур, в установлении контактов и осуществлении общения между ними.

На сегодняшний день история развития теории перевода всесторонне изучена, объект и предмет данной науки, а также основные цели и задачи переводоведения определены, методы и категории теории перевода тоже описаны достаточно четко, однако остаются еще некоторые вопросы, требующие системного рассмотрения [9, с. 70].

Так, говорить об абсолютной завершенности теоретико-методологического обеспечения переводческой деятельности во всех ее проявлениях пока не приходится. Современная практика перевода дает новые факты, поэтому и в основных переводческих проблемах открываются новые аспекты, которые требуют обновления направлений исследований и углубления уже известных теорий.